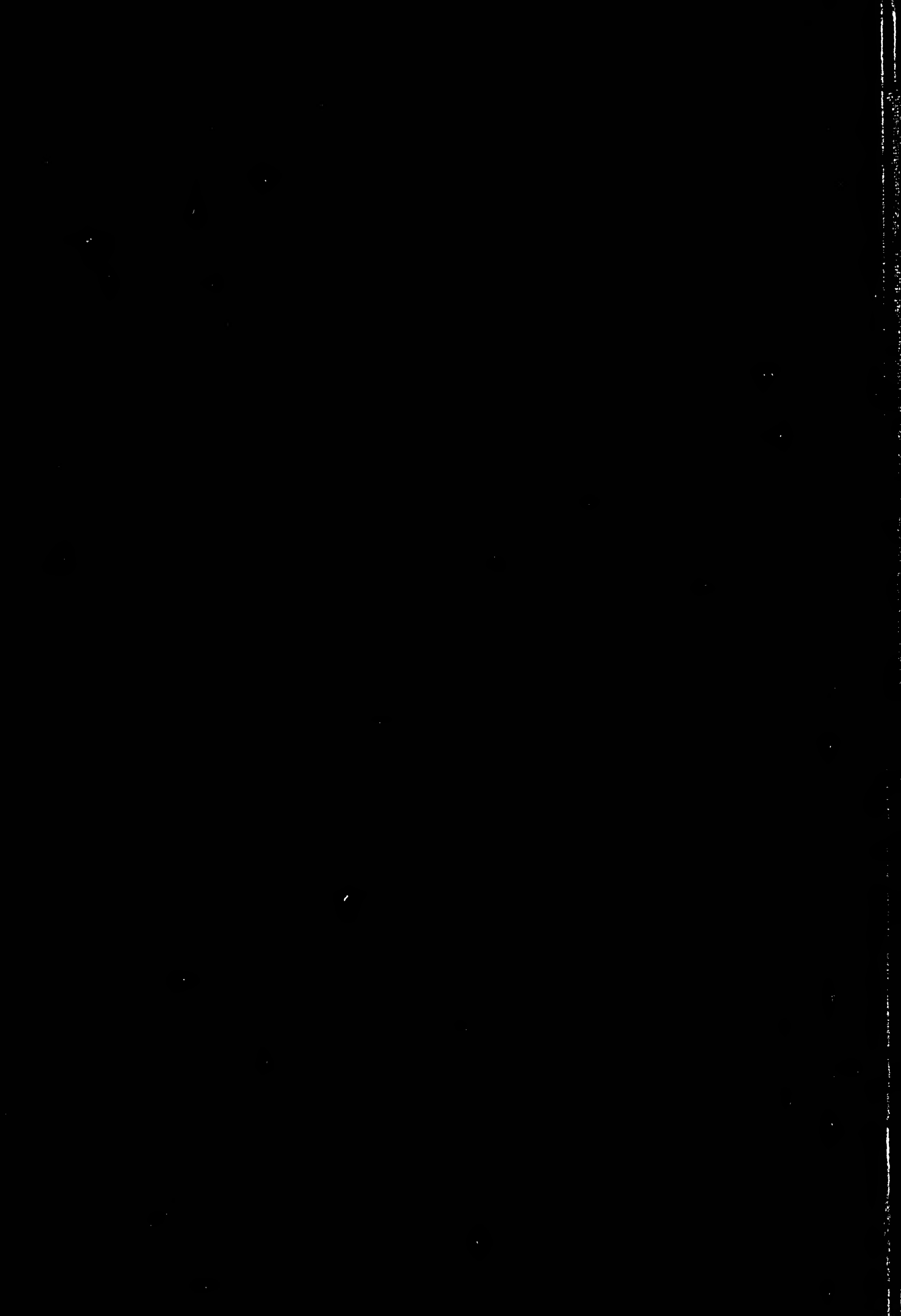
Khotymskii, P.

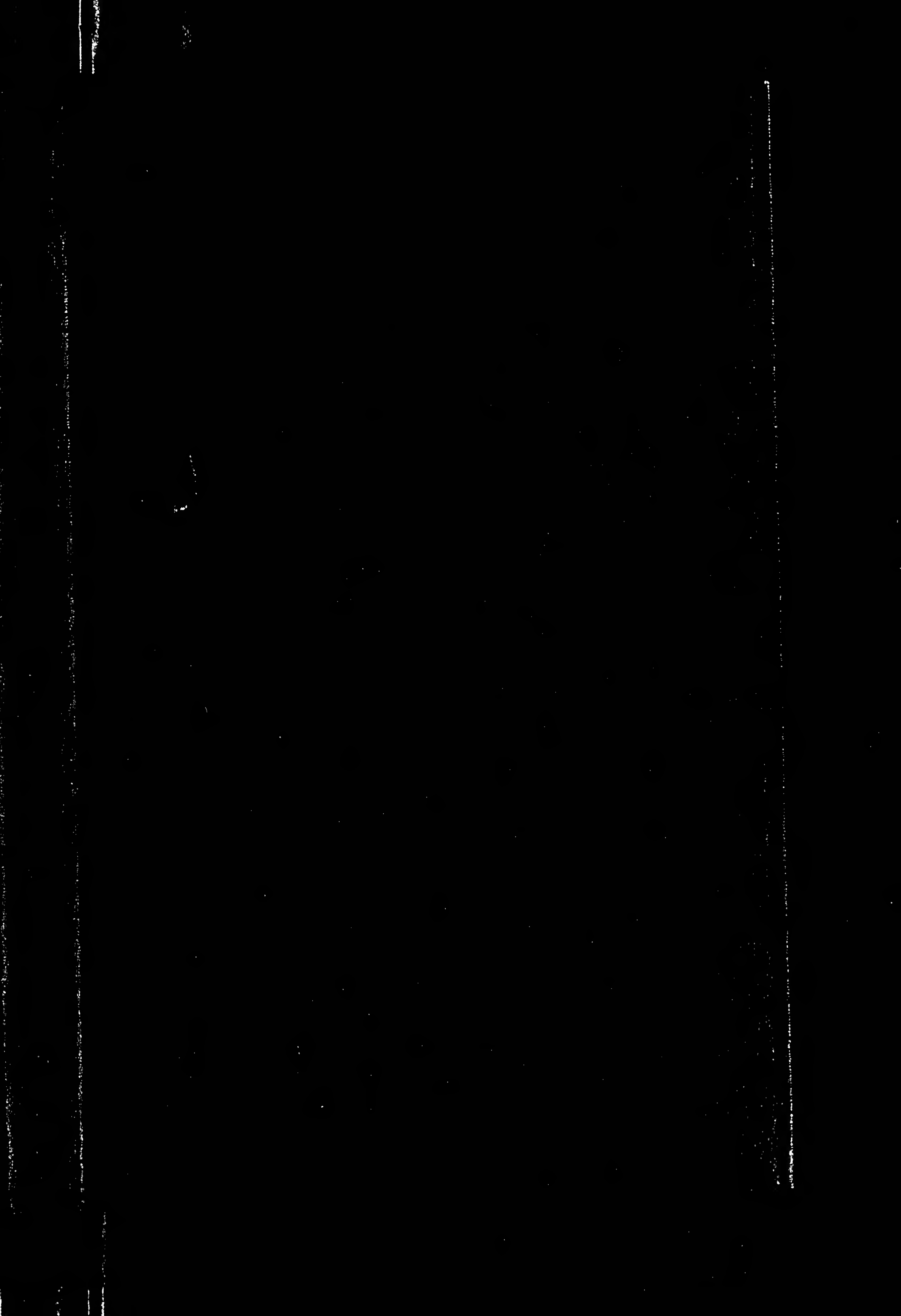
Grishka

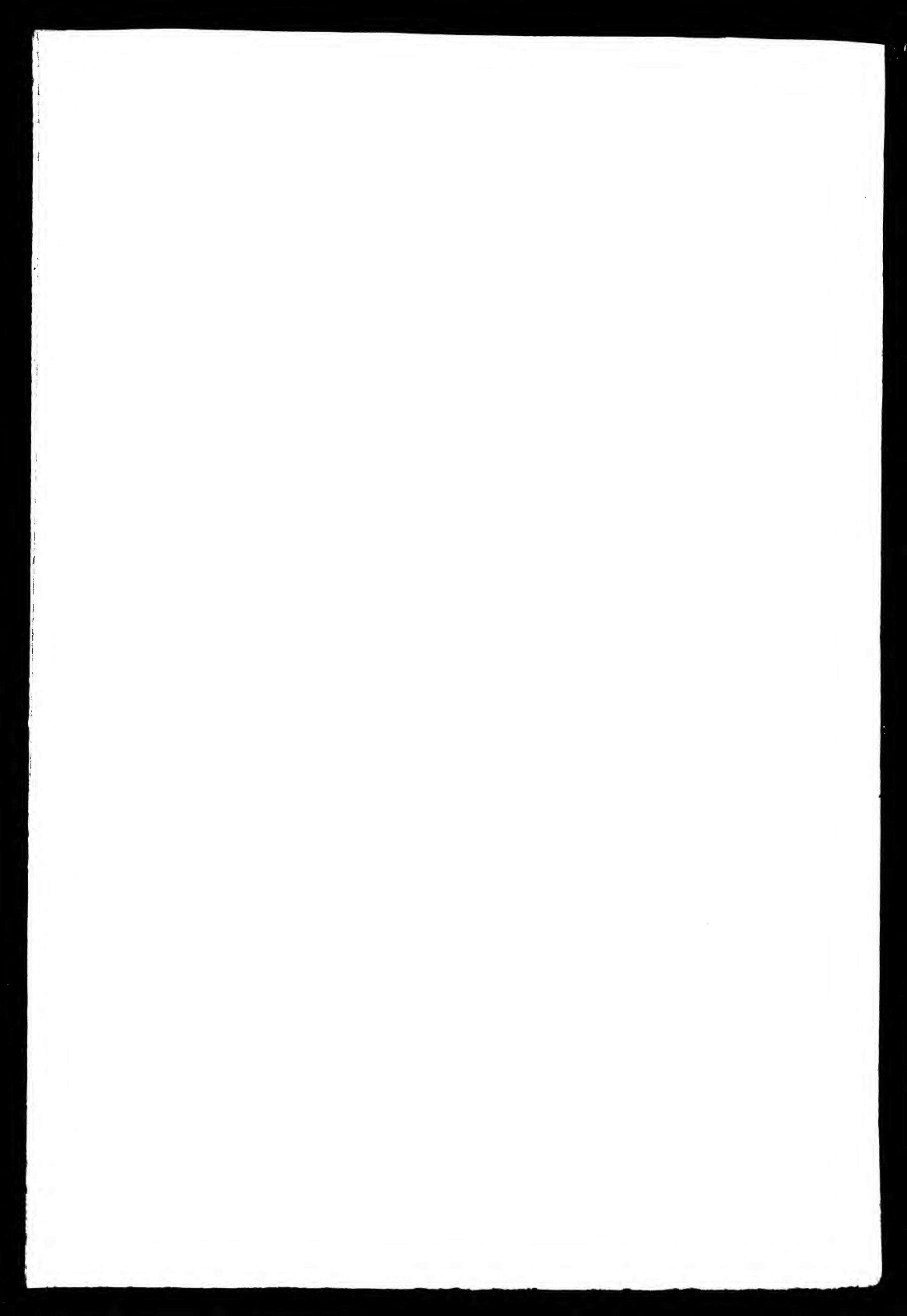
Moskva

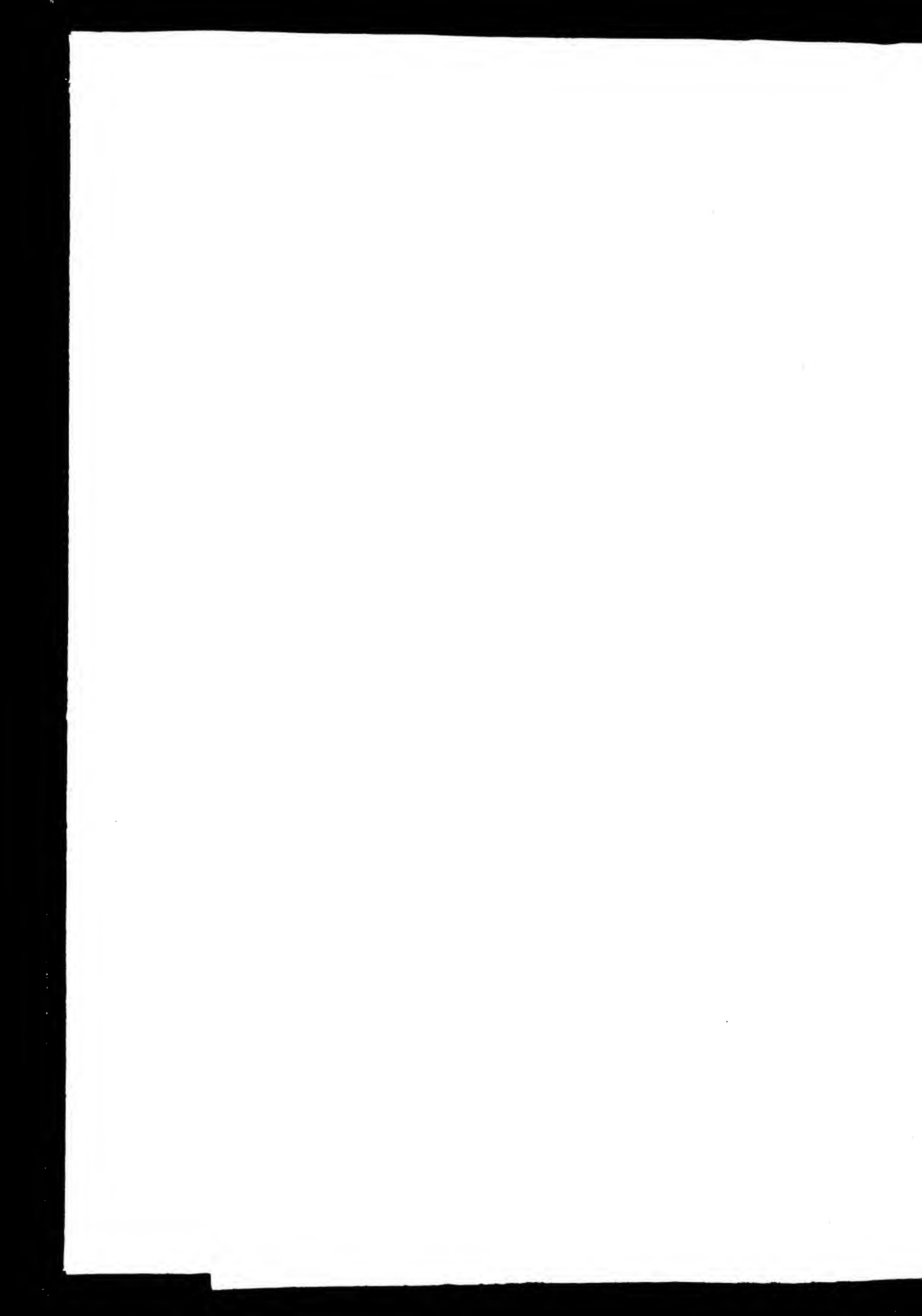
1900

Reel: 52 Title: 13

40

ГРИШКА

I.

ГРИШКА.

II.

ДОБЫТЧИКЪ.

Разсказы П. Хотымскаго.

№ 387.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1909.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 декабря 1899 г.

Гришка.

Гришка на полатяхъ. Лежа на брюхѣ, подперевъ голову руками, а голыми ногами болтая по воздуху, Гришка внимательно слушаетъ, какъ мамка татьку ругаетъ. Слушаетъ Гришка мамкину ругань и ждетъ не дождется,—когда же, наконецъ, татька разсердится и ударитъ мамку? Это доставило бы Гришкѣ большое удовольствіе, и по двумъ причинамъ: онъ сердитъ на мамку и сердитъ весьма основательно.

Дѣло въ томъ, что, вставъ довольно рано, Гришка быстро одѣлся и побѣжалъ на улицу, куда закадычный пріятель Ѳедотка манилъ его рукой. Ѳедоткинъ носъ такъ смѣшно былъ приплюснутъ къ оконному стеклу, что Гришка еще въ избѣ началъ смѣяться, а очутившись на улицѣ, онъ съ разбѣгу налетѣлъ на Ѳедотку и сцѣпился бороться съ нимъ. Нѣсколько разъ они оба съ веселымъ смѣхомъ кувыркались въ снѣгу и, запыхавшись окончательно отъ возни, немного отдохнувъ, побѣжали на рѣчку кататься. На рѣкѣ народу уже было порядочно, и Гришка немедленно началъ изумлять публику своимъ искусствомъ. Не имѣлъ онъ соперниковъ въ катаньи! Умѣлъ дѣлать такіе выкрутасы, что всѣ рты разѣвали; но и тутъ Ѳедотка, какъ вообще всякій пріятель, подставлялъ ему ножку. Только-что Гришка соберется сдѣлать какое-

нибудь удивительное колѣно, Өедотка тутъ какъ тутъ: либо толкнетъ, либо самъ подвалится подъ ноги, и Гришка летитъ кубаремъ къ великому удовольствiю какъ самого Өедотки, такъ и остальныхъ ребятишекъ, которымъ завидно смотрѣть на Гришкино искусство. Нѣсколько разъ Гришка заявлялъ Өедоткѣ, что „такъ нельзя“, но Өедотка не унимался, и Гришка вынужденъ былъ сначала поссориться, а потомъ и подраться съ нимъ. Разстались они, тѣмъ не менѣе, друзьями, оговорившись забѣжать домой закусить только малость и сейчасъ же сойтись опять, захвативъ съ собой салазки.

Быстро влетѣлъ Гришка въ избу и сталъ дергать мамкину юбку, прося „ись“. Мамка же не только хлѣба не дала, но даже наградила Гришку двумя шлепками, пожелавъ ему „здохнуть“. Гришка подумывалъ было, не заревѣть ли ему, даже рожу скорчилъ соотвѣтствующую, но въ эту минуту вошелъ тятька. Взглянувъ на него, Гришка рѣшилъ, что ему сейчасъ плакать не выгодно. Зналъ онъ по опыту, что когда у тятьки такое лицо, то самое лучшее быть подальше отъ него, поэтому онъ и шмыгнулъ на полати.

Другая причина, почему Гришкѣ хотѣлось, чтобы мамка была побита—тоже основательная. Несмотря на то, что мамка крайне возбуждена и яростно нападаетъ на тятьку, она все-таки не спускаетъ съ рукъ Анютку, которая, не понимая порывистыхъ движенiй мамки, смотритъ большими синими, выпученными глазами въ недоумѣнiи — плакать ей или нѣтъ? Пока она молчитъ, но Гри-

кѣ извѣстно, что послѣ перваго удара мамка безпремѣнно броситъ Анютку; та подниметъ отчаянный крикъ, и это тоже доставило бы Гришкѣ большое удовольствіе!

Анютка злѣйшій врагъ его! Начать хотя бы съ того, что она маленькая, такая маленькая, что даже ходить не умѣетъ и мамка кормитъ ее грудью. И вотъ съ ней, дѣвчонкой, только потому, что она сестра ему, заставляютъ Гришку нянчиться, качать ея зыбку, смотрѣть, чтобы она не расквасила себѣ носъ и тому подобное. И сколько непріятностей надѣлала она Гришкѣ, сколько шлепковъ получилъ онъ изъ-за нея! Не далѣе, какъ вчера, сговорился онъ съ Ѳедоткой и остальными ребятишками слѣпить бабу изъ снѣга, забѣжалъ онъ въ горницу захватить рукавицы и бѣжать скорѣе, и вдругъ мамка велитъ ему покачать зыбку. Разумѣется, Гришка началъ отнѣкиваться: какое ему дѣло до Анютки и до того, что мамкѣ нужно горшки мыть? У него-то дѣло, во всякомъ случаѣ, поважнѣе! Но мамка успѣла схватить его, когда онъ былъ уже у самыхъ дверей, пребольно дернула за ухо и усадила все-таки качать.

Гришка былъ страшно золъ за такую несправедливость: какая-то Анютка можетъ разрушить всѣ его мечты! Да и какая она неугомонная! Совсѣмъ было затихла, Гришка и качать перестал, тихонько выбрался изъ-за зыбки, намѣреваясь улепетнуть, какъ вдругъ Анютка опять заревѣла, и мамка опять усадила его качать. Со злости Гришка [illegible] и ущипнулъ Анютку, но та подняла такой ревъ, что мамка и горшки бросила, побѣжа-

ла къ зыбкѣ и какъ-то сразу отгадала Гришкину месть. Гришка получилъ здоровую лупку и до вечера не могъ выбраться на улицу.

Понятно, Гришка не могъ простить ни мамкѣ, ни Анюткѣ свои вчерашнія неудачи и съ нетерпѣніемъ ждалъ за нихъ возмездія. А что возмездіе не замедлитъ, Гришка не сомнѣвался. Положимъ, онъ не зналъ, за что мамка такъ ругается; слышалъ онъ вчера, когда тятька вернулся домой пьяный, что мамка требовала какой-то платокъ, но что это за платокъ, куда онъ дѣвался, Гришка не успѣлъ узнать—уснулъ. А сегодня первыя слова мамки были:

— Принесъ?

Тятька молчитъ.

— Тебя спрашиваютъ: принесъ, что ли?

Тоже молчаніе въ отвѣтъ.

— Что же ты, идолъ, такъ и не отвѣтишь?— говоритъ мамка, раздражаясь все болѣе.

Молчаніе.

— Такъ ты, извергъ, даже и говорить не хочешь?—взвизгиваетъ мамка, все ближе подвигаясь къ мужу.—Думаешь, что я тебѣ такъ и прощу! Говори, за сколько пропилъ, говори, окаянный!

— Замолчи! — отзывается тятька глухимъ голосомъ.

— Не замолчу, извергъ! Не замолчу, окаянный! Не замолчу, чтобъ тебя холера задавила!..

Гришка изумленъ. Обыкновенно, мамка ругается такъ, только когда тятька приходитъ домой пьяный, и ругается, по мнѣнію Гришки, совсѣмъ напрасно,—тятька пьяный такой добрый,—все пла

четъ да прощенія проситъ. „Жена! — кричитъ тятька вваливаясь въ избу.— Прости меня, прости, Христа ради! Православные! простите меня! Гришка! Сынъ ты мнѣ? Слышь — сынъ ты мнѣ? Прости меня! Согрѣшилъ я передъ вами, окаа-анный!“ Плачетъ тятька, разливается горькими слезами. Гришкѣ его жаль, а мамка не только не жалѣетъ, но еще и ругаетъ, вонъ, какъ сейчасъ. Но за то на завтра, когда у тятьки такое лицо, какое у него теперь, мамка не только не ругается, но старается какъ можно меньше разговаривать даже. А сегодня вдругъ такая смѣлая! Удивляется Гришка, но со вниманіемъ продолжаетъ слушать.

— Не замолчу!—кричитъ мамка даже съ хрипотой въ голосѣ.—Всѣхъ созову,—смотрите, люди добрые! Другіе, прочіе мужья все въ домъ, а мой-атъ изъ дому!

— Замолчи, вѣдьма!—крикнулъ и тятька, поднимаясь съ лавки и стукнувъ кулакомъ по столу.

— Сказала: не замолчу! Разбойникъ! Безъ куска хлѣба оставить хочешь! По-міру пустить!..

Тятька какъ-то сразу поднялся, и прежде чѣмъ мамка успѣла увернуться, съ силой ударилъ ее. Какъ предполагалъ Гришка, такъ и вышло: мамка закричала не своимъ голосомъ и бросила Анютку, которую мамкинъ крикъ и такъ перепугалъ, и теперь, брошенная съ размаху, она подняла отчаянный пискъ. Этотъ крикъ и пискъ, казалось, еще болѣе разъярили тятьку. Онъ повалилъ жену на полъ и сталъ наносить удары, не разбирая и, повидимому, не понимая, что онъ дѣлаетъ. Мамка уже не кричала, а хрипѣла, а побои все сыпались.

лись. Гришка уже съ ужасомъ смотрѣлъ на эту сцену, забывъ и обиду свою и голодъ свой. Широко раскрылись его глазенки; сильно, сильно бьется маленькое сердчишко ребенка...

Но вотъ мамка и хрипѣть перестала, только стонетъ, да Анютка въ углу надрывается. Тятька поднялся съ полу, мутными глазами оглядѣлъ избу и встрѣтился съ глазами сына. Нѣмой ужасъ остановившихся дѣтскихъ, устремленныхъ на него съ безумнымъ страхомъ глазъ поразилъ тятьку. Мгновеніе простоялъ онъ, тяжело дыша и не отрываясь отъ этого взгляда, потомъ крикнулъ: „Ты что?“ Въ этомъ хрипломъ крикѣ слышался скорѣе испугъ, чѣмъ угроза, но на Гришку онъ подѣйствовалъ страшно. Не понимая, что онъ дѣлаетъ, Гришка быстро свалился съ полатей и стрѣлой бросился къ дверямъ, мимо ногъ тятьки, который съ тѣмъ же испуганнымъ крикомъ: „куды?“ кинулся за нимъ вслѣдъ.

Забывъ, что онъ босикомъ, безъ шапки, въ одной продранной рубашенкѣ, летѣлъ Гришка по улицѣ, не чувствуя холода, не оглядываясь и ничего не видя передъ собой. Ему чудилось, что тятька гонится за нимъ, отъ него-то онъ и бѣжалъ въ смертельномъ страхѣ, самъ не зная куда. Отъ быстраго бѣга и рѣзкаго вѣтра у него уже и ноги начали подкашиваться. Еще нѣсколько минутъ и Гришка упалъ бы обезсиленный, но тутъ онъ съ размаху уткнулся головой во что-то большое, черное, страшное. Гришкѣ показалось, что онъ именно на тятьку налетѣлъ, и онъ съ жалобнымъ стономъ повалился на снѣгъ.

Большое же, страшное, такъ напугавшее Гришку, оказалось дядей Мирономъ, который, въ благодушнѣйшемъ настроеніи, шелъ изъ кабачка отъ Потапыча. Дядя Миронъ даже крякнулъ, когда Гришка ткнулся ему въ брюхо.

— Съ нами крестная сила!—сказалъ онъ, разставляя ноги и съ изумленіемъ разглядывая комочкомъ свернувшагося у ногъ его мальчика. Оправившись немного, онъ нагнулся къ нему съ вопросомъ: — Ты что?

Гришка молчитъ.

— Эй ты, малецъ, слышь! Ты кто?

— Гри-ишка,— дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Гм... Гришка! А чей ты будешь Гришка?

— Ѳедоровъ.

— Ѳедоровъ? — переспросилъ дядя Миронъ и, поднявъ мальчика, поставилъ его передъ собою.— Это, значитъ, Ѳедоръ Игнатьича сынокъ?

— Да-а-а.—У Гришки зубъ на зубъ не попадалъ.

— Такъ ты такой-сякой, что это босикомъ, безъ шапки да въ одной рубашенкѣ по морозу бѣгаешь? А?

— Тятька-а...

— Что тятька?

— Ма-амку...

— Ну?

— Уби-и-и...—у Гришки голосъ пересѣкся.

— Уби-илъ!—удивился дядя Миронъ.—Ну, это, братецъ мой, врешь! Это какъ есть врешь!

Гришкѣ было холодно. Пока онъ бѣжалъ отъ воображаемаго преслѣдованія татьки, онъ не думалъ о холодѣ. Теперь же, услыхавъ благодушный голосъ дяди Мирона, не видя предъ собой страшнаго лица татьки, онъ почувствовалъ страшный холодъ. Онъ стоялъ, задравъ къ верху голову; на лицѣ у него застыли крупныя слезы; поминутно поднималъ онъ то одну, то другую ногу; руки окоченѣли.

— Ахъ ты, чтобъ тебя!—ударилъ себя по бедрамъ дядя Миронъ. — Вѣдь замерзнешь?

Затѣмъ онъ разстегнулъ свой теплый овчинный тулупъ, поднялъ и завернулъ въ него мальчугана и, постоявъ немного, направился по улицѣ. Гришка, почувствовавъ теплоту тулупа, старался завернуться въ него какъ можно удобнѣе, но это ему плохо удавалось. Захочетъ онъ спрятать головенку, спустится пониже, ноги высовываются; подниметъ ноги—голова на вѣтру. Своими движеніями Гришка мѣшалъ дядѣ Мирону, который и безъ того поминутно спотыкался.

— Да ты не ерзай! — сказалъ онъ, наконецъ.

Гришка присмирѣлъ.

— Такъ ты говоришь: татька мамку побилъ?— спросилъ дядя Миронъ.

— Убилъ,—подтвердилъ Гришка.

— Сказывалъ я тебѣ—врешь, ну и врешь, ну и врешь! Не могъ убить,— закона нѣтъ. Побить могъ, потому — мужъ, а убивать? Нѣтъ, братъ, шалишь! Бить — бей, а убивать не смѣй! Вотъ какъ, братецъ мой, а не то, что... Ну, а ты-то что? А?— закончилъ онъ неопредѣленнымъ вопросомъ.

— Убѣгъ.

— А отчего убѣгъ?

— И меня хотѣлъ.

— Это убить-то? Тебя? Ахъ ты, несмышленышъ! Это чтобы родной отецъ да свое дѣтище? Ха-ха-ха! — Дядя Миронъ даже головой замоталъ, до того забавными показались ему слова Гришки. — Ну, вотъ сказывалъ я тебѣ, что глупъ ты, такъ оно и выходитъ. Да! А за что тебя тятька бить хотѣлъ?

— Не знаю.

— Не зна-аешь? А мамку за что билъ?

— Не знаю. Мамка Анютку бросила, а тятька билъ.

— Эге! Такъ вотъ оно что! Выходитъ [illegible] — за Анютку. Такъ! А зачѣмъ мамка Анютку бросила?

— Тятька билъ.

Дядя Миронъ даже остановился.

— Ничего-то, [illegible], у [illegible] не поймешь! — сказалъ онъ. — [illegible]: [illegible] есть и разговаривать съ тобою некогда. [illegible] вотъ лучше, [illegible].

Гришка, немного обогрѣвшійся и развлекшійся разговоромъ, услыхавъ слова дяди Мирона, задрожалъ.

— Не пойду, — сказалъ онъ, собравшись опять въ комочекъ.

— Какъ не пойдешь?

— Боюсь!

— Что же мнѣ теперь дѣлать съ тобой? — говорилъ дядя Миронъ, [illegible]

дорова двора и осоловѣлым[illegible] смотря на Гришку.—Видно и мнѣ съ [illegible].

Тревожно забилось сердце [illegible] когда дядя Миронъ отворилъ дверь горницы, [illegible] выскочилъ изъ рукъ Мирона, впопыхахъ стукнулся обо что-то головой и, не обращая вниманія на боль, бросился къ мамкѣ, сидѣвшей у печки, держа на рукахъ Анютку, сосавшую ея грудь и поминутно вздрагивающую всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ. Уткнувшись въ мамкину юбку, Гришка осторожно приподнялъ голову и оглядѣлся. Тятька сидѣлъ за столомъ, [illegible] смотря куда-то въ уголъ; сумрачное [illegible] показалось Гришкѣ еще страшнѣе. Въ горницѣ была мертвая тишина; дядя Миронъ [illegible]

[illegible] уголъ.—[illegible] Игнатьичъ, [illegible] „убьетъ, [illegible]

[illegible] довольно [illegible] на Гришку, [illegible] не от[illegible]

— У[illegible] дядя Миронъ.— Я ему [illegible] съ тобой! Съ чего убьетъ [illegible] нѣтъ, а онъ свое: убьетъ. Хе-хе-хе!

Пока дядя Миронъ объяснялъ причину своего прихода, Гришка взглянулъ на мамку. На лицѣ ея была [illegible] кровь была и на рукахъ. Позади-

разоравшуюся отъ крика дѣвочку и не успѣла обмыть лицо и руки. Почувствовавъ на себѣ взглядъ сына, мамка вздохнула всѣмъ тѣломъ и положила свою окровавленную, свободную руку на голову мальчика. Гришка задрожалъ. Онъ забылъ и щелчки мамки и пожеланіе ея „здохнуть“, и то, что еще такъ недавно ему хотѣлось, чтобы она была побита. Ему стало жаль ее, невыразимо жаль, и не ее одну, а даже и злѣйшаго врага своего — Анютку — и ту жалко стало. Онъ почувствовалъ, что сейчасъ заплачетъ, боялся этого, но не могъ удержаться и глухо, съ болью, зарыдалъ, припавъ на колѣни матери, а слова матери: „Господь съ тобой, Гришутка, не плачь“, — сказанныя какимъ-то скорбнымъ голосомъ, — вызвали еще сильнѣе его слезы, такъ что все его тѣло подергивалось отъ неудержимыхъ рыданій. Даже дядя Миронъ обратилъ на это вниманіе.

— Ишь, надрывается! — сказалъ онъ, мотнувъ головой на Гришку. — А это ты, кумъ, не ладно дѣлаешь. Ей-ей, не ладно! Вонъ она баба-то у тебя, [illegible] и паренька перепугалъ [illegible] безъ мамки, въ одной рубашенкѣ, [illegible] отъ тебя, жалко и простыть не долго! [illegible] дите тебѣ, — помретъ, ты же Богу отвѣтишь [illegible]! Богъ-отъ спроситъ, отчего померъ [illegible] Ему и скажутъ: отецъ, молъ, родной на морозъ выгналъ. Не хорошо! ой, не хорошо!

Тятька молчалъ, молчала и мамка, и заснувшая на рукахъ у нея Анютка, только одинъ Гришка продолжалъ плакать, и этотъ сдавленный, безпомощный дѣтскій плачъ [illegible].

— Ишь, надрывается! — повторилъ дядя Миронъ. —Оно, конечно, отчего бабу не проучить? а во же не тово...

— Ты, Миронъ Николаичъ, отъ Потапыча шелъ — перебилъ его тятька, поднимаясь съ мѣста.

Дядя Миронъ опѣшилъ и захлопалъ глазами.

— Отъ его, отъ самого, отъ его, окаяннаго! — справившись, быстро заговорилъ онъ, какъ бы р дуясь, что тятька, наконецъ, сказалъ что-то.

— Ну, и ступай своей дорогой, а промежъ м жемъ и женой не ставай! А тебѣ, чѣмъ други корить, то бы подумать: зачѣмъ былъ въ кабак

— А ты чего меня кабакомъ коришь? Чай, самъ не Богъ зна, какъ давно былъ! Вчера... я былъ, и еще пойду, — грозился дядя Миронъ. на твои пью — на свои!

— Ну, и я свою бабу бью, а не твою, и шаться тебѣ нечего. Что мальчонка привелъ — сп сибо, а насчетъ иного, прочаго — ты ужъ тово Самъ знаешь, какъ жить надо, а не то, что что...

Гришка перестал плакать. Ему вдругъ приш мысль: побьетъ тятька дядю Мирона или нѣтъ? дядя Миронъ обиженно повернулся, при чемъ сильно качнуло въ сторону, и направился къ д рямъ со словами:

— Ишь, какой выискался! Кабакомъ кори Да я что?.. У меня что?.. У меня, вонъ, ребят

Дядя Миронъ ушелъ разгнѣванный. Съ его у домъ въ избѣ стало тихо, такъ какъ и Гри перестал плакать. Тятька нѣсколько времени стоялъ въ задумчивости, потомъ нахлобучилъ ш

ку и вышелъ. Немного погодя, со двора донесся его сердитый голосъ, ругавшій за что-то Шарика. Этотъ голосъ какъ будто разбудилъ мамку. Она еще разъ глубоко вздохнула, приподняла съ своихъ колѣнъ голову Гришки и понесла Аню въ зыбку. Положивъ ее, она сняла съ полки большую коврigу чернаго хлѣба и отрѣзала ломоть.

— Гришка! хошь хлѣбца?—спросила она.

Гришка вскинулъ на нее глазами и протянулъ ручонку. Что-то во взглядѣ мальчика такое было, что у мамки дрогнуло сердце. Она отвернулась, но сейчасъ же быстро повернулась къ Гришкѣ, схватила его косматую голову въ свои руки и со словами: „сынокъ... Гришутка...“ зарыдала.

Остальной день для Гришки прошелъ безъ особыхъ приключеній. Наплакавшись вмѣстѣ съ мамкой и поѣвъ хлѣбца, Гришка пошелъ на улицу, разыскалъ своего Ѳедотку, разсказалъ ему всѣ происшествія дня, при чемъ у нихъ самихъ дѣло безъ малаго до драки не дошло изъ-за того, что Гришка настаивалъ, что если бы тятька захотѣлъ, то побилъ бы дядю Мирона, а Ѳедотка утверждалъ, что сильнѣе дядя Миронъ, потому—онъ толстый. Но этотъ споръ они скоро кончили и стали играть.

До вечера время прошло незамѣтно, и только, когда Гришка подошелъ къ своему двору, ему вспомнилось все, что было у нихъ сегодня. У мальчика сердце опять оборвалось; тихо и робко отворилъ онъ дверь и вошелъ въ избу. Боясь поднять глаза, онъ осторожно пробрался на старое мѣсто за печкой и смирно усѣлся на лавку. Мамка ка-

чала зыбку, татька что то сругалъ, на него никто не обратилъ вниманія. Ему хотѣлось ѣсть, но онъ боялся сказать объ этомъ. Разъ онъ уже было совсѣмъ насмѣлился, слѣзъ съ лавки и, не спуская глазъ съ отца, хотѣлъ тихонько подойти къ мамкѣ и шопотомъ попросить хлѣбца, но въ это время отецъ поднялъ голову и взглянулъ на него. Гришка задрожалъ и быстро усѣлся попрежнему.

Посидѣвъ немного, онъ прилегъ на лавку и заснулъ; потомъ онъ почувствовалъ, что его будятъ, ему не хотѣлось вставать, но такъ какъ его будили все настойчивѣе, то онъ открылъ глаза. Страшный крикъ вырвался изъ груди мальчика. Онъ увидалъ надъ собой наклоненное лицо отца, что-то говорившаго ему. Что? Гришка не понялъ, но одинъ видъ татькина лица, такъ близко наклонившагося къ нему, перепугалъ его до смерти. Даже татька испугался этого крика.

— Ты чего?—сказалъ онъ, съ испугомъ глядя на сына.

Прибѣжала и мамка.

— Христосъ съ тобой, Гришутка! Чего испужался?—говорила она, схвативъ его на руки. — Татька вѣдь это—на мѣсто, гритъ, ложись!

Гришка обхватилъ своими руками мамкину шею, крѣпко прижался къ ней, весь дрожа и робко озираясь. Мамка достала какой-то обрывокъ кошмы, забросила его на полати, разостлала и уложила Гришку, прикрывъ его какой-то ветошью.

— Спи съ Богомъ, родимый!—сказала она, крестя его.

— Боюсь, мамка,—жалобно сказалъ Гришка,

при чемъ у него опять навернулись слезы на глазахъ.

— Не бойся, не бойся; никто тебя не тронетъ. Я вотъ тутъ же лягу.

— Ну, спи, чего еще тамъ?..—отозвался тятька.

Гришка замолчалъ. Мамка задула сальную свѣчку и улеглась возлѣ зыбки. Тятька повозился еще немного въ темнотѣ и тоже легъ. Тихо стало въ горницѣ, и Гришка скоро уснулъ, но тятька и мамка не спали, каждый думалъ свою думу. Мамка думала, что завтра надо бы на прорубь сбѣгать, кое-какую лопатинку пополоскать,—у Гришки рубашонка вонъ какая черная, да и мужику бы рубаху перемѣнить нужно,—а тутъ руки, ноги болятъ, все тѣло ноетъ...

Тятькѣ вспоминается сегодняшній день—нехорошій день! За что онъ бабу свою побилъ? Положимъ, она приставала къ нему, надоѣдала, такъ вѣдь, опять-таки, и онъ не правъ. Онъ выпилъ, порядочно выпилъ, но зачѣмъ же было женинъ платокъ таскать въ кабакъ? Она вѣдь, въ сущности, права—платокъ-то ея, да еще и праздничный, а съ другой стороны—онъ же и купилъ его ей. И зачѣмъ она приставала къ нему? Ему и такъ нехорошо, послѣ похмелья голова болитъ и, вообще, какъ-то скверно, а тутъ она еще. Ну, онъ не удержался, ударилъ ее; ей бы отойти, замолчать, а она еще пуще закричала,—его и разсердило. И все это дядя Миронъ виноватъ, или, нѣтъ, не дядя Миронъ, а кто же?

Тятька началъ было уже засыпать, но въ это время Гришка заворочался на полатяхъ и по-дѣт-

ски, со всхлипываніемъ вздохнулъ. Татьку ровно кто подъ бокъ толкнуло; онъ широко раскрылъ глаза. Съ улицы въ окно пробивался какой-то свѣтъ; слышно было, какъ уныло скрипѣли ворота. Припомнился татькѣ и взглядъ Гришки съ полатей, такъ поразившій его, потомъ, какъ Гришка выбѣжалъ на улицу въ одной рубашонкѣ. Какъ татька ни былъ возбужденъ, но онъ понималъ, что Гришка можетъ простудиться, хотѣлъ было бѣжать за нимъ, но Анютка такъ страшно надрывалась, что онъ поспѣшилъ сначала поднять ее, и пока баба оправлялась, онъ нянчился съ дѣвочкой. Потомъ ему припомнилось, какъ горько плакалъ Гришка, и какъ онъ перепугался. Ишь, какъ напугалъ ребенка!

Суровый онъ съ виду мужикъ, а Гришку любитъ; молча, безъ поцѣлуевъ, но, тѣмъ не менѣе, крѣпкою, крестьянскою любовью. Впрочемъ, въ пьяномъ видѣ, любовь эта и прорывается у него. Садитъ онъ тогда себѣ на колѣни Гришку, иногда и Анютку даже прихватитъ, разговариваетъ съ нимъ и чего бы Гришка ни попросилъ — все обѣщаетъ, и не потому обѣщаетъ, что Гришка маленькій и его успокоить надо, а потому, что дѣйствительно хотѣлось бы исполнить всѣ его желанія. Гришка тогда его не боится — смѣло подходитъ.

Вотъ только трезвый Ѳедоръ не можетъ съ сердцемъ совладать—суровъ, но вѣдь онъ не перестаетъ любить Гришку и любитъ, пожалуй, не меньше мамки, съ которой Гришка и разговорчивѣе и сообщительнѣе, несмотря на то, что татька очень

рѣдко накажетъ его, развѣ прикрикнетъ, а мамка каждый день обязательно за что-нибудь да отшлепаетъ. Разница въ ихъ любви только та, что у мамки одна забота—былъ бы Гришка одѣтъ и накормленъ, а онъ, татька, думаетъ и о прочемъ, въ родѣ: этакъ, годика черезъ два, отдать Гришку въ ученье, пусть грамотный будетъ; потомъ и работать начнетъ, пособлять ему. И вдругъ этотъ Гришка умретъ. Въ тяжкодумной татькиной головѣ появились сразу нѣсколько смутныхъ, но страшныхъ видѣній: маленькій гробикъ, имъ же самимъ сколоченный, въ гробикѣ посинѣвшій Гришка, глубокая яма, мерзлая земля, съ глухимъ стукомъ падающая на гробъ... Скверно спалось татькѣ эту ночь.

А Гришка проснулся утромъ совсѣмъ бодрый, быстро одѣлся и побѣжалъ на улицу, гдѣ, думалъ онъ, Ѳедотка уже давно ждалъ его. Мамка что-то крикнула ему вдогонку, но онъ не обратилъ вниманія. Наигравшись вдоволь, онъ прибѣжалъ домой. Мамка дала ему кусокъ хлѣба и двѣ картофелины. Гришка усѣлся на лавку, заболталъ ногами и откусилъ кусокъ хлѣба.

— Мамка! А-а-а!—вдругъ крикнулъ онъ, скорчивъ рожицу.

— Ты чего?—спросила мамка.

— А-а-а!—Гришка показывалъ на свой ротъ.

— Обжегся, что ли?

— Нѣ. Болитъ.

— Что болитъ?

— А!—онъ опять открылъ ротъ.

— Да ты выплюнь хлѣбъ-отъ да скажи толкомъ: что болитъ-то?

— Тамъ болитъ,—плаксиво говорилъ Гришка выплюнувъ хлѣбъ и показывая на горло.

— Шибко болитъ?

— Шибко.

— Ну-ка, откуси кусокъ да проглоти.

Гришка послѣдовалъ совѣту, но видно боль дѣй-ствительно была сильная, такъ какъ у него даже слезы показались на глазахъ отъ стараній прогло-тить кусокъ.

— Сказывала я тебѣ не бѣгать по морозу, вот и добѣгался,—съ сердцемъ сказала мамка.—Сту-пай на полати,—ложись!

Гришка жалобно посмотрѣлъ на нее и покорно выполнилъ приказаніе. Мамка зажгла сальную свѣч-ку, достала кусокъ синей бумаги и стала капат на нее сало. Вошелъ тятька.

— Что это?—спросилъ онъ.

— А вонъ добѣгался,— отвѣтила жена, пока-зывая на Гришку.

— Что съ нимъ?

— Горло болитъ.

Тятька вздрогнулъ. „Ты же Богу отвѣтъ дашь" опять пронеслось у него въ головѣ. Онъ подошел къ полатямъ.

— Шибко болитъ?—также спросилъ онъ.

— Шибко,—шопотомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, ничего, пройдетъ...—успокоилъ тятька

Но у Гришки не прошло. За день боль усили-лась, а къ вечеру и жаръ начался. Гришка ме-тался, жалобно стоналъ, просилъ пить, и когд ему подносили холоднаго квасу, онъ жадно наби-ралъ его въ ротъ, но проглатывать не могъ и с

плачемъ выплевывалъ обратно. Мамка не отходила отъ него, татька угрюмо сидѣлъ на лавкѣ, оба безпомощно глядѣли на муки сына. По совѣту сосѣдки, татька сходилъ и привелъ бабку Арину, которая что-то пошептала надъ Гришкой, три раза дунула на него, столько же разъ плюнула черезъ себя, но и это не помогло,—мальчикъ продолжалъ стонать и метаться.

Уже далеко за полночь, Гришка забылся и сдѣлался немного спокойнѣе. Мамка примостилась возлѣ него, татька легъ на лавку, но имъ обоимъ не спалось. У татьки изъ головы не выходятъ зловѣщія слова: „Ты же Богу отвѣтъ дашь“. Онъ успокоиваетъ себя, что это ничего, пройдетъ, молъ, мало ли какая хворь приключается, не отъ всякой же умираютъ? Правда, зналъ онъ нынче нѣсколько случаевъ на деревнѣ, что умирали дѣти, все жалуясь на боль въ горлѣ, но можетъ Господь помилуетъ! Ворочается татька съ боку на бокъ, не можетъ уснуть, все прислушивается, какъ дышитъ Гришка. А Гришкѣ опять хуже стало. Ему приснился страшный сонъ.

— Татька! Не бей мамку!.. Мамку не бей, татька!..Не бе-э-эй!..—хрипло, страшно закричалъ Гришка со сна.

На другой день къ вечеру Гришка умеръ. —

Съ сине-блѣднымъ лицомъ и старательно расчесанными русыми, почти бѣлыми, волосами лежитъ Гришка на столѣ. Въ головахъ у него горитъ тоненькая съ золотой полоской восковая свѣчка, ли-

— Тамъ болитъ,—плаксиво говорилъ Гришка, выплюнувъ хлѣбъ и показывая на горло.

— Шибко болитъ?

— Шибко.

— Ну-ка, откуси кусокъ да проглоти.

Гришка послѣдовалъ совѣту, но видно боль дѣйствительно была сильная, такъ какъ у него даже слезы показались на глазахъ отъ стараній проглотить кусокъ.

— Сказывала я тебѣ не бѣгать по морозу, вотъ и добѣгался,—съ сердцемъ сказала мамка.—Ступай на полати,—ложись!

Гришка жалобно посмотрѣлъ на нее и покорно выполнилъ приказаніе. Мамка зажгла сальную свѣчку, достала кусокъ синей бумаги и стала капать на нее сало. Вошелъ тятька.

— Что это?—спросилъ онъ.

— А вонъ добѣгался,—отвѣтила жена, показывая на Гришку.

— Что съ нимъ?

— Горло болитъ.

Тятька вздрогнулъ. „Ты же Богу отвѣтъ дашь" опять пронеслось у него въ головѣ. Онъ подошелъ къ полатямъ.

— Шибко болитъ?—также спросилъ онъ.

— Шибко,—шопотомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, ничего, пройдетъ...—успокоилъ тятька.

Но у Гришки не прошло. За день боль усилилась, а къ вечеру и жаръ начался. Гришка метался, жалобно стоналъ, просилъ пить, и когда ему подносили холоднаго квасу, онъ жадно набиралъ его въ ротъ, но проглатывать не могъ и,

плачемъ выплевывалъ обратно. Мамка не отходила отъ него, татька угрюмо сидѣлъ на лавкѣ, оба безпомощно глядѣли на муки сына. По совѣту сосѣдки, татька сходилъ и привелъ бабку Арину, которая что-то пошептала надъ Гришкой, три раза дунула на него, столько же разъ плюнула черезъ себя, но и это не помогло,—мальчикъ продолжалъ стонать и метаться.

Уже далеко за полночь, Гришка забылся и сдѣлался немного спокойнѣе. Мамка примостилась возлѣ него, татька легъ на лавку, но имъ обоимъ не спалось. У татьки изъ головы не выходятъ зловѣщія слова: „Ты же Богу отвѣтъ дашь“. Онъ успокоиваетъ себя, что это ничего, пройдетъ, молъ; мало ли какая хворь приключается, не отъ всякой же умираютъ? Правда, зналъ онъ нынче нѣсколько случаевъ на деревнѣ, что умирали дѣти, все жалуясь на боль въ горлѣ, но можетъ Господь помилуетъ! Ворочается татька съ боку на бокъ, не можетъ уснуть, все прислушивается, какъ дышитъ Гришка. А Гришкѣ опять хуже стало. Ему приснился страшный сонъ.

— Татька! Не бей мамку!.. Мамку не бей, татька!..Не бе-э-эй!..—хрипло, страшно закричалъ Гришка со сна.

На другой день къ вечеру Гришка умеръ.

Съ сине-блѣднымъ лицомъ и старательно расчесанными русыми, почти бѣлыми, волосами лежитъ Гришка на столѣ. Въ головахъ у него горитъ тоненькая съ золотой полоской восковая свѣчка; ни-

чико у мальчика спокойное, серьезное, спитъ — не спитъ, умеръ — не умеръ. На немъ надѣта чистенькая ситцевая рубашонка, подпоясанная шнуркомъ, посконные штанишки и новенькіе сапоги. Только два раза Гришка наряжался такъ, — въ Свѣтлый праздникъ да въ Рождество. Съ какимъ удовольствіемъ мамка, бывало, наряжаетъ его! Правда, ей приходилось ежеминутно теребить его, чтобы онъ стоялъ смирно, не вертѣлся, но за то, когда Гришка, уже наряженный, потянувъ носикомъ, съ улыбкой поднималъ глаза свои на мать, та отвѣчала ему тоже счастливой улыбкой. И теперь, въ послѣдній разъ, нарядила Пелагея сына; только Гришка не улыбался ей; только у ней крупныя слезы падали на личико ребенка.

Пришли нѣсколько сосѣдей, сосѣдокъ, помогли уложить Гришку въ гробикъ; Өедоръ подвелъ Савраску, гробикъ вынесли, поставили на дровни, и тихо двинулась лошадка, ведомая въ поводу Өедоромъ.

По дорогѣ пристали еще нѣсколько мужиковъ и бабъ; вышелъ и дядя Миронъ, снялъ шапку, набожно перекрестился и побрелъ за гробомъ, возлѣ котораго Пелагея, съ Анюткой на рукахъ, шла, спотыкаясь и тихо воя.

— Съ чего это онъ? — послышался чей-то тихій вопросъ.

— А Богъ его знаетъ, — также тихо отвѣтилъ кто-то.

— Простылъ, — коротко объяснилъ дядя Миронъ.

— То-то бѣгаютъ они у насъ такъ-ту! Долго ли до грѣха? — сказалъ шедшій рядомъ мужичокъ.